

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Германия и германский вопрос
в истории XX века

Сборник научных статей

Минск
2010

Научное издание

Германия и германский вопрос
в истории XX века

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск Г.А. Космач

Авторы несут ответственность за содержание своих материалов

Подписано в печать 24.09.2010. Формат 60X84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 9,77.
Тираж 56. Заказ 546.

Издатель:

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка».
ЛИ № 02330/0494368 от 16.03.2009.
Ул. Могилевская, 37, 220007, г. Минск.

Отпечатано в Минском государственном
профессионально-техническом колледже полиграфии.
ЛП № 02330/0494174 от 03.04.2009.
Ул. В. Хоружей, 7, 220005, г. Минск.

Эрманариха, каждая из которых имела свою сферу контактов с другими племенами. В силу отсутствия внутреннего единства среди готских племен «государство Эрманариха» не было достаточно целостным этническим образованием.

Список использованных источников

1. Вольфрам, Х. Готы. От истоков до середины VI века / Х. Вольфрам; пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. – СПб.: Ювента, 2003. – 656 с.
2. Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П. Буданова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 320 с.
3. Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Иордан; вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 436 с.
4. Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин; пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. – М.: АСТ, 2005. – 631 с.
5. Третьяков, П.Н. Восточнославянские племена / П.Н. Третьяков. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 312 с.
6. Егоров, В.Б. Русь и снова Русь / В.Б. Егоров // Институт проблем информатики Российской академии наук [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.ipiran.ru/egorov/hraith.htm>. – Дата доступа: 14.04.2009.
7. Гумилев, Л.Н. История народа хунну: в 2 кн. / Л.Н. Гумилев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. – Кн. 2. – 496 с.
8. Магомедов, Б.В. Этнические компоненты черняховской культуры / Б.В. Магомедов // Stratum plus: Петербургский археологический вестник. – 2000. – № 4. – С. 322–330.
9. Петрухин, В.Я., Раевский, Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. – М.: Знак, 2004. – 416 с.
10. Буданова, В.П. Великое переселение народов. Спецкурс / В.П. Буданова. – М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук, 2000. – 92 с.
11. Рассадин, С.Е. Между Альпами и Океаном: венеты – «другие германцы»? / С.Е. Рассадин // Гісторыка-археалагічны зборнік. – 2002. – № 17. – С. 112–122.
12. Седов В.В. Этногенез ранних славян / В.В. Седов // Вестник Российской Академии наук. – 2003. – № 7. – С. 594–605.
13. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси [Электронный ресурс] / Б.А. Рыбаков. – М., 1987. – Режим доступа: http://book-case.krounov.ru/pages/library/1a1testvoRj/si/idr_html_p1.zip. – Дата доступа: 21.03.2009.
14. Лауринавичюс, Й. Древняя Литва: Цивилизация и государство (легенды и факты в этническом аспекте) / Й. Лауринавичюс. – Минск: БГПУ, 2009. – 328 с.
15. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
16. Козак, Д.Н. Готы. Политическая история / Д.Н. Козак // Остров Крым – история [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://crimea-ebk.com/History/-Gots.html>. – Дата доступа: 14.04.2009.

НЕМЦЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ XIV – 40-е гг. XX вв.

В.В. Тугай, В.В. Куницкий
(г. Минск, БГПУ)

Немецкая миграция в страны Восточной Европы имеет давнюю историю и глубокие корни. Немцы проживают в Беларуси более 700 лет. Первые немецкие поселенцы появились в Великом Княжестве Литовском в начале XIV в., когда великий князь Гедемин пригласил в страну доминиканских и францисканских монахов, которые основали в Вильне и Новогрудке

две католические церкви. Гедемин направил многочисленные письма в ганзейские города от Любека до Ростка, чтобы пригласить в его развивающееся княжество священнослужителей, дворянство, торговцев, ремесленников, крестьян и воинов. Как много немцев последовало тогда его призыву установить сегодня не представляется возможным, однако это явилось началом процесса, который не останавливался вплоть до XX в. В Полоцке, Тракае, Вильне появляются немецкие торговые дворы, точно такие, как и в других городах ВКЛ. Формирование немецких торговых дворов продолжалось в ВКЛ и Руси вплоть до XVI в. [1, с. 436-537].

Заметный след в архитектуре Витебска и Полоцка оставили лифляндские немцы, которым разрешалось приезжать в эти города для возведения церквей и крепостных сооружений. Кроме того, существовала Полоцкая фактория немцев, которая пользовалась особым (немецким) правом. Точную численность лифляндских немцев установить не представляется возможным, поскольку наблюдалась текучесть кадров строителей в результате пограничных конфликтов и войн в регионе. Однако отдельные исследователи полагают, что в этих городах в отдельные периоды могло находиться до 10-15 тыс. немцев [2, с.154].

Немцы поселялись периодически в отдельных регионах ВКЛ, но были отнесены к «коренной» части населения довольно поздно, хотя Магдебургское право определяло конституционное развитие страны вплоть до XVIII в. Белорусские города: Брест (с 1390 г.), Гродно (с 1391 г.), Слуцк (с 1441 г.), Полоцк (с 1498 г.), Минск (с 1499 г.), Новогрудок (с 1511 г.) получили Магдебургское право, однако их развитие как и других аграрно обрванных городов, с притоком немецких переселенцев протекало медленно, и существенно в отличие от западных земель.

Мелкие компактные немецкие поселения, которые можно отнести к польско-немецкому округу, достигли западных периферий белорусской территории еще в XII в. В 1563 г. большая группа немецких крестьян поселилась у Буга и образовала деревни Нойдорф и Нойбурун, куда последовали позже многочисленные переселенцы. Так, на территории Брестского воеводства возник церковный приход Нойдорф-Нойбау, благодаря которому немецкие крестьяне в полной изоляции от своей исторической родины поддерживали связь с немецкой культурой [1, с. 136]. Судьба этих переселенцев была не простой. Тем не менее, эти поселения развивались и к концу XVIII в. распространились до Пиаски и Кобрина. Поселение Нойдорф-Нойбрау достигло огромных размеров и к нему было присоединено много дочерних филиалов-поселений в Волини [1, с. 136].

В конце XVIII в. эти поселения обрели новую жизнь и новое название. Около 1790 г. новые потоки крестьянских переселенцев из Центральной Польши и Западной Пруссии достигли этого региона и основали в 1796 г. округ Белосток. Несмотря на то, что в результате разделов Речи Посполитой эта территория должна была отойти к России, весь округ с окрестностями перешел под русское господство как часть «Новой Восточной Пруссии». И только с 1807 г. эта территория была отдана под протекторат России в качестве территории Гродненской губернии [1].

Необходимо отметить, что еще во времена правления Екатерины II Россия предпринимала усилия, чтобы укрепить российскую государственность в приграничных районах и освоить природные богатства, Екатерина принимает решение о колонизации края. Но в заселении этих отдаленных районов русскими нельзя было и думать - крестьяне находились в крепостной зависимости от помещиков, которые никогда не согласились бы отпустить своих рабов на волю. Екатерина делает ставку на иностранцев. 4 декабря 1762 г. она издает Манифест, приглашавший граждан европейских стран пожаловать в степные владения Российской империи. Однако документ не возымел действия, т.к. в нем не оговаривалось, на каких условиях предлагается переселение, и 22 июля 1763 г. Екатерина издает новый Манифест, в котором перечислялись привилегии и льготы: свободный выбор места поселения, свобода вероисповедания, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей.

Льготные условия переселения вызвали интенсивную колонизацию южных окраин России. В 1764-1770 гг. – всего за 6 лет создается 117 немецких колоний, в том числе: в

Саратовской губернии - 46, Самарской - 56 и т.д. В Россию прибывали преимущественно немцы из Пруссии, что объяснялось тяжелым экономическим положением - семилетняя война разорила Германию - по всей стране бродили нищие солдаты, безработные ремесленники, безземельные крестьяне.

Царское правительство щедро субсидировало колонистов и в 1800-1850 гг. было основано еще 218 поселений. Через 100 лет после обнародования Манифеста Екатерины в России насчитывалось 505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве населенных немцами; к 1908 г. насчитывалось 2 млн. 70 тысяч граждан немецкой национальности, в том числе: в Саратовской губернии — 206 тыс. (6,9% всего населения); в Самарской - 181 тыс. (8,2% всего населения) и т.д.

Немцы проживали преимущественно в сельской местности, занимались сельскохозяйственным трудом. Широкое применение капиталистических методов хозяйствования привело к созданию крупных помещичьих хозяйств, и немцы-землевладельцы заняли ведущее место в экономике России.

По Манифесту Екатерины II немцы могли расселяться в Лифляндской и Эстляндской губерниях [3, с. 19], столичных городах, Черниговской губернии (Беловежская колония) и т.д. [3, с. 22]. Следует также отметить, что в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., большая часть Латгалии (Инфлянты), населенная латышами, поляками, беларусами, русскими и немцами, отошла к России и впоследствии стала частью Витебской губернии. Однако, точных сведений о численности немецкого населения в крае нет, т.к. большая часть немецких баронов была добровольно ополячена.

В составе наполеоновских войск в 1812 г. третью часть составляли немцы. В предстоящей русской кампании австрийскому вспомогательному корпусу численностью в 30 тыс. человек предстояло обеспечивать правый фланг «Великой армии», прусскому в 20 тыс. человек - левый.

В то же время необходимо отметить, что в России нашли убежище многие немецкие патриоты, принявшие активное участие в борьбе с Наполеоном. Еще до «Великой войны» 1812 г. в рядах немецких патриотов, а также российского генералитета появилась идея создания немецкого добровольческого корпуса. В мае 1811 г. приближенный российского императора Александра I генерал А.И. Чернышев писал ему о возможности создания такого корпуса для действий в тылу наполеоновских в случае новой франко-русской войны. Год спустя такой проект представил русскому царю лидер германских патриотов барон Карл Штейн. Он же был автором первого воззвания к германцам, служившим в армии Наполеона.

Сразу же после начала «Великой войны» проект Штейна был направлен на обсуждение специально созданного Немецкого комитета. Главной задачей комитета являлась организация немецких патриотических сил и привлечения их к активной вооруженной борьбе против общего врага российского и немецкого народов [22].

В июле 1812 г. 10 тыс. экземпляров составленного Штейном и подписанного М.Б. Барклаем-де-Толли антифранцузского обращения к немцам были распространены в баварских, вестфальских, прусских и других формированиях «Великой армии». Текст воззвания был адресован офицерам и солдатам германской нации, следовательно содержал призыв национальному единению в борьбе против Наполеона [22].

В рядах немецких войск, сражающихся по принуждению в составе наполеоновской армии, воззвание встретило сочувственные отклики. Уже в первые месяцы войны «Великую армию» покинули около 600 германцев и перешли на сторону России.

Кроме перебежчиков и пленных в легион зачислялись немецкие офицеры, находившиеся на русской службе, или подданные России. Среди них был подполковник Карл фон Клаузиус известный впоследствии военный теоретик [23, л. 77].

7 сентября 1812 г. Александр I предписал управляющему военным министерством А.И. Горчакову оказывать всяческое содействие вновь формируемому легиону. Местом сбора немецких военнопленных и перебежчиков, следовавших из различных мест Российской империи, в том числе из Гродно, Витебска, Минска, Борисова, был определен город Ревель (Таллин). К середине 1812 г. там сосредоточилось уже около полутора тысяч немецких добровольцев [22].

В 1813 г. в состав легиона был включен комплектовавшийся в Витебске партизанский отряд Ш.Ф.Г. Дибича. В сентябре в отряд пожелало вступить 80 человек из числа военнопленных, находившихся на крепостных работах в Борисове. Среди них 28 баварцев, 23 голландца, 11 вестфальцев, 7 баденцев, 4 бергца, 2 швейцарца и ряд других представителей немецких земель [23, л. 77].

Настроение, царившее среди саксонских, баденских, гессенских и других немецких полков «Великой армии» наилучшим образом отражают строки из писем вестфальского штаб-офицера Фридриха фон Лоссберга [24]. Характеризуя внутреннее состояние отступающих к Сморгони солдат, он отмечал, что многие потеряли всякую надежду добраться до Немана и даже не мечтали еще возвратиться в Германию [24, с. 124].

Оказавшийся в русском плену полководец враг вюртембергской кавалерии Генрих Роос в своих записках подчеркивал, что немецкий легион, который проходил через Борисов, состоял из пленных всех немецких областей. Он отмечал, что некоторые пленные офицеры успели пожить на хороших условиях, молодых русских и брали их с собой в Германию [25].

Необходимо отметить, что запись в российско-германский легион стала массовым явлением. Подавляющая часть германских войск, особенно те, которые приняли от Наполеона офицерский диплом, остались верны присяге.

К концу декабря 1812 г. формирование Российско-германского легиона было в основном закончено, а к марту 1813 г. его части были сосредоточены в районе Кёнигсберга. К этому времени в состав легиона входили 2 пехотные бригады по 4 батальона в каждой, 2 гусарских полка, рота егерей и 2 конно-артиллерийские роты. В кампании 1813 г. легион участвовал в сражениях в Северной Германии. Численность легиона была доведена до 8 тыс. человек [23, л. 77].

В завершении германской истории о «Великой войне» отметим, что беларусские колонисты в летописи Российско-германского легиона все еще остаются мало изученными.

Новая волна по колонизации запада и, особенно, юга России началась после войны 1812 г. при императоре Александре I с целью заселения и возделывания разоренных длительными войнами и обезлюдивших территорий. Каждому немецкому хозяйству были отведены значительные земельные угодья (до 60 га), предоставлен сельскохозяйственный инвентарь, даны всевозможные льготы для интенсивной обработки земли [4, с. 7].

Первыми были переселены 1443 семейства из Варшавского герцогства, затем из Бадена, Баварии, Пфальца, Гессена, Южной Германии, Вюртемберга и Швейцарии. В 1814-1817 гг. было образовано 12 колоний, в 1821-1839 гг. - 12, в 1840-1889 гг. - 32. В 1912 г. колонизация прекратилась [5, с. 87]. Однако наблюдалось такое явление как массовое переселение немецких колонистов внутри империи и, в частности, в белорусские земли.

Массовое переселение немецких колонистов на белорусские земли началось во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до первой мировой войны. В это время отмечаются три массовые переселенческие волны на южные земли Беларуси. Немецкие колонисты переселялись из Вольни, где к концу XIX в. проживала подавляющая часть немецкого населения региона (в 1897 г. - 171,3 тыс. человек, или 5,7%) жителей [6, с. 17]. Фактически же число немцев на территории губернии было большим, т.к. основная их масса не пожелала принимать российское подданство и проживала на положении иностранцев, которые весьма плохо регистрировались статистикой. В 60-90-е гг. XIX в. приток немцев на Вольню резко увеличился. В 1801—1871 гг. сюда прибыло 5982 семьи немецких колонистов [7, с. 18].

Первые колонии немецких переселенцев в начале XIX в. носили название тех мест, где российские войска одержали победу над Наполеоном: Тарутино, Красный (Красна), Малоярославец I, Кульм; позднее образовались Старый Аренз, Бородино, Березина, Катинь, Лейпциг, Кацбах и др. [8, с. 144]. Позднее они получали такие названия: Ангельмовка (по имени латыша-банкира, который на льготных условиях продавал землю немцам в Беларуси), имени Розы Люксембург, Березовка, Осиповка, Клесин, Майдан и др.

К концу XIX в. в белорусских губерниях: Вильно, Гродно, Ковно, Минск, Витебск и Могилев проживало более 50 тыс. немцев [10, с. 28]. По переписи 1897 г. их насчитывалось в Беларуси 49073 чел, или 0,49% общего населения [11, с. 136]. И хотя в силу отмеченных ниже

причин точной статистики немецких колонистов в Беларуси в XIX в. не существует, с полной уверенностью можно сказать, что в Гродненской губернии проживало более 10 тыс. чел., в Витебской более 7 тыс. чел, примерно столько же в остальных белорусских губерниях [11].

В конце XIX – начале XX вв. наблюдается новая волна немецкой колонизации белорусского Полесья. Изгнанные помещиками с Волыни, в поисках земли, они с помощью банка латыша Анзельмова приобретают земельные наделы в полесской глубинке. Не все немецкие колонисты могли сразу купить земельные наделы, многие из них становились арендаторами у белорусских помещиков. В 1909 г. немецкие колонисты приобрели небольшое количество земли с крайне неплодородной почвой в Мозырском округе (ныне Наровлянский, Ельский и Лельчицкий районы Гомельской области) и в южных районах нынешней Брестской области [9]. Отдельные населенные пункты проживания немецких колонистов стихийно возникали и также стихийно исчезали. Белорусским помещикам невыгодно было показывать немецких переселенцев властям, они безжалостно их эксплуатировали, ужесточая условия контрактов. Несмотря на все трудности проживания в полесской глубинке, немецкие хозяйства набирали силу, а немецкие поселения обретали вид образцовых населенных пунктов.

Немецкие переселенцы в XIX в. были заняты преимущественно в аграрном секторе в качестве арендаторов, управляющих, в ремесленной деятельности и торговле, в обрабатывающих промыслах и в области обслуживания. Практически всеми парковыми ассамблеями и парками белорусских экономий известных помещиков Радзивиллов, Паскевича, Горваттов, Хмары и др. в свое время управляли садовники, выписанные из Пруссии [12, лл. 20, 30–31]. Вместе с тем существовала и узкая прослойка городских жителей, чьи магазины и предприятия обслуживало, как правило, еврейское, русское и белорусское население.

В XIX в. в Беларуси существовали евангелистско-лютеранские округа, которые можно было найти в городах от Брест-Литовска до Могилева. Эти округа относились к курляндскому консисториальному району с резиденцией в Митаве и составляли общественный центр немецкого населения Беларуси.

Немецкие колонии в Беларуси в XIX в. сыграли немалую роль в развитии интенсивного сельского хозяйства, ремесленничества, торговли и обрабатывающей промышленности. Поселившись на бедных землях Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерний, немцы-колонисты старательным и рациональным трудом, кустарничеством и торговлей поднялись до процветающего экономического положения, которому с полным основанием завидовали и которого жаждали остальные жители. Будучи элементами серьезного и рационального труда, мира и порядка, эти колонисты сумели по-настоящему цивилизовать края и территории, в которых они поселились. Их процветающие хозяйства, чистые, аккуратные, являются веским доказательством их неустанного труда и экономической организации.

Немецкие колонисты в России пользовались определенными финансовыми и правовыми привилегиями, что делало их лояльными к российской администрации. Однако с началом первой мировой войны царское правительство делало резкий крен – принимается решение уравнивать немцев-колонистов с русским (белорусским) населением. В Беларуси закрываются немецкие культурно-хозяйственные организации, конторы опекунов, банки, вводится воинская повинность [3, с. 8].

Пышным цветом расцветает великодержавно-шовинистическое отношение к российским немцам. В условиях войны с Германией правительство принимает законы, по которым ограничивалось немецкое землевладение [3, с. 8].

Законодательные акты еще раз открыли антинемецкую историю: в прессе публиковались призывы развернуть борьбу с «внутренними немцами», которые «изнутри завоевали Россию», в Государственной Думе кликушествовали черносотенцы, по югу и западу России прокатилась волна погромов. Под давлением общественности был подготовлен царский указ о депортации немцев в Сибирь.

Начало первой мировой войны и ее последствия принесли многочисленные изменения для немецкого населения, проживающего в Беларуси. Часть немцев, чтобы избежать

обвинений в коллаборационизме с продвижением на восток немецких армий, переехала вглубь российского государства. Другая часть была в 24-часовой срок насильственно выселена из прифронтовой полосы, а их хозяйства разорены [6, с. 17]. В результате насильственного выселения из прифронтовой полосы, увеличилась численность немецкого населения в Минской губернии (современные районы юга Гомельской, а также Брестской областей).

Белостокские или наревские немцы стались нетронутыми, т.к. российские чиновники ошибочно считали их голландцами. В годы войны в этом регионе проживало более 11 тыс. немецкого населения [11, с. 138]. В целом, в период с 1897 по 1917 гг., численность немецкого населения в белорусском литовском регионе уменьшилась с 50,8 тыс. до 36, 1 тыс. человек [10, с. 28]. Исчез ряд немецких поселений, таких как деревня Каменное (нынешний Столинский район Брестской области), расположенная на живописном берегу реки Льва и насчитывающая 80 домов [6, с. 18].

После Октябрьской революции 1917 г. в истории российских немцев наступает новый период. В марте 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР направляет в Саратов Карла Петина и Эрнста Рейтера; вместе с Шауфлером, Дитцем, Ледерером, Клингером, Дингесом они создали Комиссариат по немецким делам; в апреле 1918 г. был проведен I съезд Советов немецких колоний, провозглашена Трудовая коммуна немцев Поволжья. Создание в 1924 г. национальной государственности для немцев Поволжья было лишь частью решения немецкого национального вопроса в СССР.

Для миллионов Волжского края немцы проживали большими компактными группами и переехали в многочисленных городах СССР, в том числе и в Беларуси. Для них обретение какой бы то ни было формы национальной государственности имело первостепенное значение и находилось в русле той национальной политики, которую в 20-е – начале 30-х гг. проводило правительство СССР.

В результате Рижского мира, подписанного в марте 1921 г. Россией и Германией, а также другими странами, огромная территория советской страны (западная часть Беларуси и Украины), отошла к Польше. Белорусские территории вошли в состав четырех воеводств: Вильно, Новогрудок, Полесья и Белосток. К Польше отошла и так называемая «Наревская область», населенная более чем 11-ю тысячами немцев протестантского вероисповедания. Немецкие населенные пункты располагались в треугольнике Ломеза–Бельск–Гродно с наиболее густо населенным воеводством Белосток [11, с. 138]. Постепенно немецкие названия населенных пунктов заменяются на польские. В 1928 г. Нойдорф был переименован в Маетник по случаю посещения его польским президентом Мاستицким [11].

В начале 20-х годов в БССР проживало более 7 тысяч немцев [13, с. 320]. В это время в Беларуси было создано 32 национальных сельских совета, в том числе 2 немецких и один украинско-немецкий. В Наровлянском районе был образован Березовский национальный (немецкий) сельский совет, на территории которого проживало 1762 человека немецкой национальности. В соседнем Каролинском районе немцы компактно проживали в колонии имени Розы Люксембург, на базе которой также был создан немецкий совет. В Лельчицком районе Гомельской области в 20-х годах 20-го в. насчитывалось в трех деревнях 33 немецких хозяйства. В названных колониях имелось 451 немецкое хозяйство с количеством населения 1770 человек [9, лл. 18–24]. В 1926 г. численность населения Наровлянского района распределялась следующим образом: белорусов – 71,3 %, поляков – 9,4 %, украинцев, эстонцев, чехов – 7,7 %, немцев – 6,4 % (2283) [14]. В числе первых председателей советов Наровлянского района часто встречаются немецкие фамилии. Так, первым председателем Наровлянского сельского совета был Битнер Август, секретарем – Райзер Альберт; Березовского сельского совета – Гоффман Адольф; Майдановского сельского совета – Кренц Юлиус, секретарем – Герзекри Адольф и др. [14].

Исторические документы тех лет рассказывают, в каких тяжелых условиях находились немецкие колонисты.

Березовский немецкий сельсовет объединял 5 колоний, которые размещались в радиусе 18 км и насчитывали 325 дворов. Общая площадь земли составляла 3191 десятина.

Обеспеченность крестьян землей была в среднем по 4 десятины на одно хозяйство, в том числе включая сенокос. Крестьяне вели свое хозяйство по хуторской системе с использованием 3-польного севооборота. Хозяйства велись культурно, с применением сельскохозяйственных машин. Занимались колонисты в основном молочным животноводством. Посевы были очень незначительны. Сажали рожь, овес, гречиху и горох. Поля сильно заливались водой, местная мелиорация не помогала. Документы отмечают, что в сельсовете было очень развито травосеяние и разведение корнеплодов. В 22 хозяйствах выращивались клевер, вика и другие культуры.

Газеты тех лет пестрят цифрами и сводками о высоких надоях в немецких хозяйствах. В среднем ежесуточные надои составляли 18 литров на одну корову. Преобладала немецко-колонистская порода молочного скота. Неоднократно на базе немецких хозяйств проводились сельскохозяйственные выставки. Так в колонии Клесин Березовского сельсовета ежегодно проводились выставки приплода молодняка [14]. На высоком уровне в немецких хозяйствах находилось и коневодство. Отмечалось, что в Березовском сельсовете встречалась в основном чистокровная порода метисов. В сельском совете насчитывалось 6 молотилок, 26 соломорезок, 273 пароконных плуга, 200 железных телег. По обеспечению скотом сельсовет находился в следующем положении: лошадей имелось 247, волов – 2, дойных коров – 683, мелкого рогатого скота – 52, овец – 882.

Из промышленных предприятий в сельсовете функционировало 2 паровые и 3 ветряные мельницы, завод по выделке кож, 3 маслобойни, 7 кузниц. Немецкие колонисты кроме сельского хозяйства занимались обработкой дерева, шитьем и другими видами деятельности.

Документы тех лет особо подчеркивают, что большое внимание со стороны властей уделяется строительству национальных школ. В постановлении Наровлянского райисполкома Мозырского округа от 15 сентября 1924 г. выражалась просьба к Мозырскому окрисполкому срочно выселить из бывшего имения Клесин помещика Носенко, а дом закрепить под национальную немецкую школу и канцелярию совета [15].

Несмотря на огромные трудности, в 1936 г. в Наровлянском районе насчитывалось 77 школ, из которых 4 – украинские, 4 – немецкие, 1 – еврейская, 3 – польские, 1 чешская и другие. В Каролинском районе также работали 3 немецкие школы. Только на строительство Березовской средней школы государство выделило 100 тыс. рублей [16]. Большим увлечением у родителей пользовалась чешская начальная школа, Хатковская немецкая, Хатковская украинская, Куставницкая польская и другие школы. Письменность взрослого населения немецких колонистов составляла у мужчин – 80 %, у женщин – 30 %. Знание белорусского и русского языков было очень слабым. Всего же немецкие школы обслуживали до 50 % детей школьного возраста. Тех, кто умел читать и писать только по-немецки, час и объявляли неграмотными. Учителями школы были обеспечены плохо. Как правило, учителями являлись бывшие церковные служащие. Из Ленинградского политехникума прибыли молодые учителя Керн и Шехтель, однако, крестьяне-немцы отказались продавать им продукты. Сельский совет выписывал 41 газету, из них 14 на немецком языке. Организация культурно-массовой работы в немецких колониях мешала хуторская система расселения. Все колонии белорусских немцев размещались в радиусе 8-9 верст. Вместе с тем документы подчеркивают особую религиозность немецких колонистов. Каждую неделю все от мала до велика посещали церковь. У немцев были широко разветвленные связи с Германией, Америкой со многими регионами Советского Союза. В начале 20-х среди немцев были также представители баптистов, христиан-евангелистов, и, особенно, являющихся седьмого дня [13].

В конце 20-х годов в республике предпринимаются попытки создания немецких колхозов. В 1930 г. был организован на базе Березовского сельского совета колхоз «Искра».

Докладные и информация органов ОГПУ Беларуси начала 30-х годов говорят о том, что немцы-колонисты очень точно, с особой педантичностью выполняли постановления властей по хозяйственным вопросам, сельскохозяйственной кооперации. Из документов следует, что образование колхозов в немецких колониях происходило насильственным путем. Немцы, не видя результатов своего труда, отказывались в них вступать. Многие стали поговаривать о

возвращении в Германию. Докладные ОГПУ говорят о расширении эмиграционных настроений среди немцев-колонистов. В немецкое посольство в Москве был направлен демобилизованный крестьянин с тем, чтобы получить разрешение для выезда всей колонии из СССР [17]. Однако получить заграничный советский паспорт оказалось делом не простым. Тем не менее, настроения покинуть полесскую глубину усиливались. Немцы-колонисты вместе с другими нацменьшинствами уезжали в Сибирь, в Крым, на Украину, Кавказ. Так, только в 1928 г. по разнарядке в Сибирь переселилось 7 семей в количестве 40 человек только из Наровлянского района [13].

Несмотря на отчужденность немцы-колонистов, их непонимание и безразличное отношение к мероприятиям правительства, комиссия по осуществлению национальной политики все же пыталась помочь им в ликвидации неграмотности, изучении белорусского языка, сглаживании конфликтов на национальной и религиозной почве.

Таким образом, в конце 20-х годов в БССР проживало около 10 тыс. немцев [2]. Как уже отмечалось, немцы проживали компактными группами на Гомельщине (более 5 тыс. человек), Витебщине и Могилевщине.

В начале 30-х годов в Беларусь переселилась большая группа немцев из Автономной республики немцев Поволжья. Немецкие исследователи называют цифру 15 тыс. человек [2, л. 263] и указывают, что немцы бежали с Поволжья от коллективизации и тех волн выселки, которые достигли автономную республику [1, с. 17]. Документы говорят о том, что немцы-переселенцы селились вокруг Минска в рабочих пригородах и были в своем большинстве рабочими и фабриками. Отдельные немецкие семьи проживали в городе и их главы являлись инженерами, учителями, врачами [2, с. 263-264]. В истории переселения этой немецкой этнической группы много неясного. Во-первых, в годы массовой коллективизации в СССР четко не было покинуть места проживания без разрешения официальных властей. Каждое хозяйство, инвентарь, скот были на строгом учете. Вероятнее всего, была какая-то партийная директива, которая принуждала немцев переселиться из далекого Поволжья в Беларусь. Утверждение исследователей Фляйшхауэр, Пинкус, Рудольфа А. Марка о том, что поволжские немцы бежали от коллективизации не убедительно.

В национальном архиве РБ сохранились документы, которые говорят об обратном. Документы Бюро ЦК КПБ утверждают, что для «усиления» коллективизации в БССР из Поволжья перебрасывается большая группа крестьян [19]. Подчеркивается, что... «надаючи алязгарнае палітычнае значэнне перакідцы калгаснікаў з перадавых абласцей СССР на апаганю калгасам прымежнай паласы – прапанаваш райкомам, калгасцэнтру разгарнуць шырокую работу на месцах па падрыхтоўцы умоў для прыязджаючых...» [19, лл. 857-858]. В постановлении бюро отмечалось, что все поволжские переселенцы должны быть обеспечены квартирами и материальной помощью в размере 50-ти рублей. Все переселенцы прибывали в Минск, а затем их распределяли по хозяйствам республики. В первой партии переселенцев прибыло 350 человек. Их распределили следующим образом: (табл., с. 20)

Документ подписал секретарь ЦК КП(б)Б Шарангович [19, л.858].

Однако спустя некоторое время 83 немецких переселенца покинули БССР. Основной причиной их отъезда были крайне плохие условия проживания и организации труда [19, л.101, л.102]. Бюро ЦК КП(б)Б принимает по этому поводу постановление, в котором обязывает партийные и хозяйственные органы на местах создать для переселенцев надлежащие условия для проживания и выдать дополнительно каждой семье материальную помощь в размере 30-ти руб. [19, л.101, л.102]. Однако, укрепить колхозы БССР за счет немецких переселенцев так и не удалось.

На станцию Минск прибывали все новые мобилизованные группы переселенцев из Поволжья и было принято решение расселять их в пригороде города и направлять для работы на фабрики и промышленные предприятия.

Таким образом, в 30-х годах в результате переселения из АРНП большой группы немецких крестьян, численность немецкой национальной группы в БССР составила около 25 тыс. человек [20].

Льно-молочные районы	
Район	Должно быть направлено человек
Освейский	13
Ушачский	26
Дрисинский	25
Лепельский	23
Полоцкий	26
Рассонский	7
Картофельно-животноводческие районы	
Бегомельский	22
Узденский	14
Заславльский	10
Койдановский	25
Копылевский	30
Логойский	19
Плещеницкий	17
Слуцкий	14
Кр.слободский	10
Животноводческо-коноплевые районы	
Житковичский	12
Лельчицкий	12
Любанский	4
Старобинский	15
Туровский	8
Садово-огородно-молочный район	
Минский	8

Список использованных источников

1. Славяно-германские исследования: в 2-х т. / редкол. А.А. Гринин (отв. ред.) [и др.]. – Т. 1,2. – М.: Индрек, 2000. – 656 с.
2. Rudolf A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrusland – eine historische Skizze // Deutsche Studien. Vierteljahreshefte. 34. Jahrgang 1997.
3. Benjamin Pinkus/Ingeborg Fleischhauer Die Deutschen in der Sowjunion. Baden-Baden. 1987.
4. История российских немцев в документах. М.: ИГУТ, 1993.
5. Мариан Ливну. Немецкие колонисты в Бессарабии. Исторические, политические и этнографические размышления / Мариан Ливну. – Бухарест, 1920.
6. Пассат, В. И. Эвакуация немецких колонистов с территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году / В.И. Пассат // Отечественная история. – 1992. – № 2
7. Тугай, В. Немецкий этнос в Беларуси (вторая половина 19-го –30-е годы 20-го в.) / В. Тугай // Гісторыя : праблемы выкладання. – 1988. – № 1(5)
8. Губинский, П. П. Труды этнографической экспедиции в западно-русский край Юго-западный отдел. – Т. 7. – СПб., 1872.
9. Петров, Н. И. Бессарабия: Историческое описание / Н.И. Петров. – СПб., 1892.

10. НАРБ Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 249.
11. Кабузан, В. М. Немецкое население в России в 18-м – начале 20 вв. / В.М. Кабузан // Вопросы истории. – 1989. – № 12
12. Rudolf A. Mark. Die Deutsche Minderheit in Weissrusland. – Eine historische Skizze. // Deutsche Studien. 34. Jahrgang 1997.
13. НГАЛ. Фонд 1280. – Оп. 1. – Д. 288; НИАБ. Фонд. 986. – Оп. 1. – Д. 13.; Д. 58; Д. 74.
14. Карашчанка, I., Майснер, А./ I. Карашчанка // Немцы. // Энциклопедия гісторыі Беларусі. – Мінск, 2006. – Т. 5. – С. 320.
15. 3 гісторыі раёна // Прыпяцкая праўда. – 1993. – 27 лістапада.
16. ФГА г. Мозыря. Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 26, л.22.
17. Прыпяцкая праўда. – 1993. – 23 лістапада.
18. НАРБ. Фонд 701. – Оп. 1. – Д. 33, л.18.
19. Прыпяцкая праўда. – 1993. – 30 лістапада
20. НАРБ. Фонд 4. – Оп. 8. – Д. 28, л.857.
21. Подсчитано автором по: НАРБ Фонд 701. – Оп. 1; Фонд 4. – Оп. 8; Rudolf A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrusland. – Eine historische Skizze. // Deutsche Studien. 34. Jahrgang, 1997; Benjamin Pinkus/Ingeborg Fleischhauer Die Deutschen in der Sowjunion. Baden-Baden. 1987.
22. Самович, А.Л. Белорусский след Российско-германского легиона: к истории формирования бровольческих формирований из военнопленных / А.Л. Самович // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск, 26 красавіка, 2007. – Вып. 6. – Мінск, 2007
23. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 111.
24. Лоссберг, Ф. Письмо вестфальского штаб-офицера / Ф. Лоссберг. – М.: Наследие, 2001. – С. 124
25. Росс, Г. С Наполеоном в Россию / Г. Росс. – М.: Наследие, 2003. – С. 141

УЧАСТИЕ УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.

Толмачева С.А.
(г. Минск, БГПУ)

Рост национально-освободительного движения народов Балканского полуострова против турецкого владычества, а также вмешательство европейских государств в балканские дела вызвали в середине 70-х годов XIX в. «балканский кризис». Жестокость расправы над участниками апрельского восстания 1876 г. в Болгарии вызвала возмущение европейской общественности, особенно в России, в которой началось широкое движение в поддержку Болгарии. В мае 1876 г. Россия, Германия и Австро-Венгрия подписали Берлинский меморандум, по которому Турция должна была провести реформы для облегчения положения славянского населения. Меморандум поддержали Франция и Италия, но отвергла Англия. Турецкое правительство ответило усилением карательных мер против славянского населения на Балканах.

30 октября 1876 г. Александр II выступил в Москве с речью перед представителями земства и горожан и высказался о принятом им решении «заставить Турцию в случае необходимости оружием исполнить... требования в предоставлении угнетенным славянам Балканского полуострова прочных гарантий мира, которые бы упрочили их будущность» [1, с. 114]. Население белорусских губерний живо откликнулось на это выступление. Тезис о том, что болгарам не просто как славянам, а единоверцам, православным, вызвал горячий отклик. Многие сельские общества отправляли телеграммы и письма на имя царя в поддержку этого тезиса.

Начался сбор одежды, медикаментов, а также денег для поддержки воевавших. Несмотря на тяжелые экономические условия, крестьянство находило возможность вносить